

ВРЕДНЫЕ ИПРУШКАМ

ЭКСМО

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Вредные игрушки

«ЭКСМО»

2001

Гусев В. Б.

Вредные игрушки / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2001 — (Дети Шерлока Холмса)

О таких каникулах Дима с Лешкой и мечтать не могли! Мало того что братьям предстоит путешествие по Волге до самой Астрахани, так еще на самом настоящем старинном пароходе с дымящей трубой! Тут бы и наслаждаться поездкой на полную катушку, но... из запертого трюма доносится леденящий душу вой. А под покровом темноты на берег выносят подозрительные ящики, из которых отчетливо слышится: `Я хочу к маме!` `Так просто это оставить нельзя!` – решают братья. Они проникают в таинственный трюм и не верят своим глазам! Прямо на них неумолимо надвигался...

© Гусев В. Б., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	20
Глава VI	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валерий Гусев

Вредные игрушки

Глава I

ВОТ ТАК ПАРОХОД!

Пароход «Илья Муромец», шлепая большими колесами, неспешно плыл по великой реке, блестящей от солнца.

Мы с Алешкой сидели в шезлонгах на верхней палубе, под полосатым тентом, и любовались, как медленно разворачиваются далекие берега. Один – крутой, высокий, обрывистый. Другой – зеленый и пологий, по которому к самой воде сбегали деревушки, словно стада на водопой.

Иногда на далеком холме, среди курчавых деревьев, поднимались золотые купола церкви, и казалось, будто она парит над бескрайними просторами, прямо среди облаков.

А еще одно облако – суетливое и горластое – все время висело над нашим пароходом. Это были белые чайки с розовыми лапками. Всегда почему-то голодные и крикливые. Именно из-за них над палубой был натянут полотняный тент. Кому приятно, когда в чашку с кофе или в стакан с водой, а то и прямо на голову плюхнется полновесная капля.

А в реке иногда всплескивала какая-нибудь большая рыба или проплывало что-нибудь неожиданное и интересное. Один раз мы даже увидели плывущий старинный стул с фигурной спинкой и распоротым сиденьем, из которого торчали ржавые пружины.

И все время наши лица освежал прохладный речной ветер.

Все было очень хорошо. Только почему-то казалось, что на этом мирном и старинном пароходе, среди веселых пассажиров и веселых матросов, происходит что-то плохое. Тайное и опасное.

И от этого становилось тревожно на душе. Особенно ночью...

На этот пароход нам взял путевки папа.

В середине лета, когда мы с Алешкой совсем одичали от жары и безделья, папа нас обрадовал. Даже два раза. Во-первых, сообщил за ужином, что ему наконец дали отпуск. А во-вторых, положил на стол четыре красивых билета на... пароход.

Сам этот пароход, разноцветно нарисованный на билете, был весь из себя старинный и смешной. С двумя громадными колесами по бокам, с двумя черными трубами, из которых завитушками валил дым, и одной мачтой, на которой трепыхался трехцветный флаг.

Пароход назывался «Илья Муромец». Но, конечно, на могучего богатыря не очень был похож. Зато все равно был очень симпатичный. Романтичный такой. Так и хотелось поплыть на нем в какие-нибудь старинные годы.

И вот этот пароход через два дня отправлялся в очередной рейс из Москвы в Астрахань.

Папа сказал, что это будет увлекательное путешествие. Мы посетим старинные русские города, осмотрим по пути все достопримечательности. На стоянках будем купаться в великой реке Волге и ловить в ней рыбу. А на пароходе все будет к услугам пассажиров – это на обратной стороне билетов было обещано. Там, значит, бар, сауна, бильярд и другие азартные игры, видеотека с дискотеккой, комната смеха и всякие другие развлечения. И еще какой-то «таинственный сюрприз для отважных робинзонов».

Мама обрадовалась и сказала:

– Наконец-то хоть раз в жизни отдохнем по-человечески. – И послала поскорее папу на антресоли, искать в чемоданах ее купальник.

А Лешка тоже обрадовался и сказал:

– Вот здорово! Может, в тумане налетим на какую-нибудь скалу и потерпим крушение!

– Вот еще! – рассердилась мама. – Никаких крушений! И не мечтайте! Алексей, я с тебя глаз не спущу!

Но, как оказалось в недалеком будущем, кораблекрушений и других, еще более опасных приключений избежать не удалось. А мамины угрозы и предостережения были бессильны их предотвратить. Потому что она осталась на берегу. Вместе с папой...

Папа, довольный и счастливый, спустился с антресолей и пришел к нам на кухню.

– Это что? – спросила мама с легкой угрозой в голосе.

– Это мои складные удочки! – гордо похвалился папа.

– А купальник?

Папа хлопнул себя по лбу. Гордости его надолго не хватило, и он стал оправдываться:

– Забыл! Я сейчас. И потом – он такой маленький, твой купальник, удочки легче было отыскать.

Но в это время зазвонил телефон. И папа ушел в кабинет – разговаривать. Он всегда как-то по звонку безошибочно определяет, когда ему звонят с работы.

Вернулся он быстро и опять полез на антресоли. Но не за маминым купальником. А совсем наоборот – чтобы положить на место свои удочки.

Мама покачала головой и со вздохом сказала:

– Съездили... Отдохнули...

И мы поняли – папе отменили отпуск. У них, в его Интерполе, часто так бывает, мы уже привыкли. Впрочем, у взрослых всегда так: сперва чем-нибудь обрадуют и тут же сразу огорчат. Вроде как «возьми яблоко, только сначала руки помой». Или уроки сделай.

Но мы уже привыкли, что папе всегда неожиданно отменяют отпуск, звонят по ночам, не дают вовремя выходные. Ведь преступники, даже международные, тоже без выходных работают. И круглосуточно.

Вот и в этот раз папа сказал, что возникло срочное дело и он должен вылететь за рубеж. Какие-то заграничные жулики незаконно продали по дешевке нашим жуликам партию бракованных детских игрушек. А наши жулики хотят их подороже продать. И нужно принять срочные меры, чтобы им помешать, потому что эти игрушки очень опасные для детей, неизвестно, как они себя поведут, – игрушки, конечно, а не дети. Впрочем, детки тоже хороши, никогда не угадаешь, что им в голову придет. По Алешке знаю. Непредсказуемый ребенок, говорит про него мама.

– А чем они опасные, эти игрушки? – спросил Алешка. – Ядовитые, что ли?

– И ядовитые есть, – объяснил папа. – Из-за плохой краски. – И тут он усмехнулся: – А одна партия пистолетов для пейнтбола проскочила вообще с несмываемой краской. Представляете?

Еще бы! Пейнтбол – такая игра, в которой охотятся друг за другом с оружием, стреляющим шариками с краской. Кто кого. Можно представить, во что наши детки превратятся, поиграв в эту войнушку! Причем навсегда. Их даже «Кометом» не отчистишь.

А папа опять помрачнел и озабоченно добавил:

– По нашим сведениям, в нескольких упаковках шарики к этим пистолетам не заполнены краской, а сделаны сплошными, из тугой резины. Это вообще травмоопасно.

– Да, – кивнул я, – получит ребенок таким шариком в лоб – мало не покажется.

– И что, – спросила мама с тревогой, – наши жулики не знали, когда покупали эти игрушки, какого они качества?

– В том-то и дело, что знали. Но деньги им дороже здоровья детей.

– Ты уж их найди! – с жаром воскликнул Алешка. – И как следует их...

– Обязательно, – пообещал папа. – Мало не покажется. А вы, ребята, не расстраивайтесь. Плывите пока одни, я тут быстренько управлюсь, и мы с мамой догоним вас на самолете. Годится?

Вообще-то не очень. Но что поделаешь?

И папа стал пристраивать два лишних билета. Очень скоро он уговорил свою то ли бывшую одноклассницу, то ли будущую сотрудницу, чтобы она поплыла на пароходе со своими двумя юными племянниками. Так что каждому из них (из племянников) досталось по полбилета. Но им и того было много, такие они оказались мелкие. Но очень шустрые, как выяснилось.

– Тетя Геля, – сказал папа нам, но явно для мамы, чтобы ее успокоить, – будет за вами приглядывать.

– Чтобы вы крушение об скалу не устроили, – грозно уточнила мама.

В день отплытия мы все приехали на Речной вокзал. Нашли свой пароход, вокруг которого собралась большая толпа. Одна на воде – из всяких других кораблей, а другая на берегу – из отъезжающих и провожающих. А больше всего из желающих посмотреть на такое старинное чудо, которое еще и плавать может.

Это чудо было рукотворное. Оказывается, один бизнесмен, романтичный такой любитель всяких древностей, разыскал в каком-то глухом волжском затоне старинный пароход, полностью восстановил его на своей верфи, подобрал романтичного капитана и романтичных матросов и организовал романтические путешествия по великой реке Волге.

Вокруг этого парохода всюду шумела праздничная суэта. Духовой оркестр громко играл старинные марши и вальсы, а его музыканты были в фуражках, в белых кителях с красными погонами и в сверкающих сапогах. На пароходе, от мачты к носу и корме, растянулись и трепетали от ветра разноцветные флажки. Повсюду продавались всякие сладости и напитки и зубные щетки для тех, кто оставил их дома.

Мы с Алешкой по деревянному трапу поднялись на борт парохода. Веселый молодой матрос посмотрел билеты и показал нам нашу каюту. Мы оставили в ней чемодан и вышли на палубу прощаться.

Мама и папа одиноко стояли в толпе провожающих. Папа улыбался и махал нам, а мама копалась в сумочке – искала носовой платок.

Но тут грянул изо всех сил оркестр, и взвыл такой бодрый прощальный марш, что даже стало немного грустно. Пароход засвистел, запыхтел, около рулевой рубки звякнул колокол – и трап убрали. Пароход сначала медленно, а потом все быстрее зашлепал колесами по воде. Нос его стал отодвигаться от причала и брать курс на открытые воды.

И тут на берегу раздался, словно в ответ пароходному свистку, отчаянный визг. Оркестр запутался и замолчал, только пискнула невпопад какая-то флейта. Толпа провожающих развалилась пополам, и по проходу, между смеющимися людьми, помчалась молодая женщина в каком-то размахистом платье, с рюкзаком за спиной и с рюкзачком на животе. Она была немного похожа на торопливого кенгуру. Тем более что тащила за собой свободными руками двух визжащих кенгурят, тоже с рюкзачками.

Это была тетя Геля со своими племянниками-близнецами. Сорванцами, как вскоре выяснилось.

Колеса парохода замедлили свое «шлеп-шлеп», остановились и зашлепали обратно. Пароход стукнулся о причал, матросы снова сбросили трап. Опоздавшие пассажиры ворвались на палубу, как пираты на abordаж. Колеса парохода снова стали отводить его от берега. Оркестр опять заиграл свой прерванный марш.

– Эх, не к добру, – вздохнул за моей спиной матрос.

– Почему? – обернулся Алешка.

– Пути не будет, понял? – очень доходчиво пояснил матрос и пошел по своим делам, дымя, как пароход, своей трубкой.

А из сигнальной трубы парохода снова вырвался пар, и раздался свист. И все другие теплоходы, катера и буксиры тоже засвистели, загудели и заревели, провожая в дальнейшее плавание своего собрата-ветерана.

«Илья Муромец» пробрался между ними на чистую воду и все резвее стал шлепать колесами. А родной причал начал отходить все дальше и дальше. Вернее он-то оставался на месте, а это мы отходили от него в далекое плавание.

Мама и папа сильно уменьшились в размерах, но было еще видно, как папа махал нам рукой, а мама то подносила платочек к лицу, а то грозила на всякий случай Алешке пальцем. Мы тоже отмахались изо всех сил и пошли осматриваться и знакомиться с достопримечательностями парохода.

Глава II

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Пароход нам понравился. Даже еще больше, чем на картинке в билете. Все у него было по-старинному. Даже двигатель был паровой, и когда кочегары начинали его топить (разводить пары, как они говорили), над пароходом вставали густые и толстые столбы дыма, поднимались к небу и там медленно и неохотно растворялись в синеве. А иногда смешивались с облаками.

Весь пароход был деревянный, даже его колеса. И только поручни у трапов, ручки на дверях и рамки иллюминаторов были медные, начищенные до блеска. И поэтому весь пароход нарядно сиял под солнцем свежим лаком и блестящими медяшками.

На пассажирских палубах везде торчали лавочки для отдыха и тряпочные шезлонги. А поперек самой верхней палубы стояла такая длинная скамья с дырками, а в них – зеленые ведра с водой и с песком. Это была противопожарная скамья. И ведер в ней стояло ровно двенадцать, и на каждом из них белой краской была красиво нарисована буква в старинном стиле. А все вместе получалось «Илья Муромец». Ну, конечно, на ведре между «Ильей» и «Муромцем» никакой буквы не было – просто зеленый бок.

– Ну и зачем? – фыркнул Алешка.

– Так надо, – сказал за спиной матрос с трубкой и выпустил такой клуб дыма, что даже пароход пошел быстрее.

– Это не ответ, – буркнул Алешка с обидой в голосе.

Матрос посопел трубкой и пояснил:

– Нас двенадцать человек экипажа, понял? За каждым закреплено ведро с буквой. Моя, к примеру, буква «Мэ». И я обязан следить, чтобы в моем ведре всегда была вода, понял? И в случае пожарной тревоги каждый хватает свое ведро, чтобы не рвать их в суматохе друг друга, понял? – И он уже было пошел по своим делам, но от Алешки так просто не отделаешься.

– Не понял. Тут ведь буквы «Мэ» целых две. Ваша какая? Большая или маленькая?

– Конечно, большая! – почему-то обиделся матрос. – А то как же!

Вообще этот «Илья Муромец» был повсюду. На ведрах, на штурвале – мы это разглядели, когда заглянули в рулевую рубку, на красно-белых спасательных кругах, на шлюпках и даже на подстаканниках в кают-компани. А уж на колесах! Они сверху были закрыты такими громадными полукруглыми кожухами, и на них тоже полукругом было написано по «Илье Муромцу» на каждом.

Осмотрев пароход в целом, мы пошли осматривать свою каюту в частности.

Она была маленькая, но с большим окном. И вообще – очень похожа на вагонное купе. Две такие по стенкам коечки – «рундуки» называются. Они в виде ящиков, крышку поднимешь, и можно внутрь запихнуть постельное белье или чемоданы. Между рундуками – столик, точно как в купе. А у входа, по сторонам двери, два шкафчика. Один для одежды, а в другом спрятан умывальник. Ничего, в общем, уютно.

Разобрав вещи, мы пошли в соседнюю каюту, в седьмую, где проживали теперь наши попутчики – племяши со своей тетушкой Гелей.

Она сидела на койке и держала их за руки. А они рвались от нее в разные стороны.

Глядя на них, мы с Алешкой поняли: если кто-нибудь и устроит нам кораблекрушение, то именно эти шустрые племянники.

И оказались в чем-то правы. В первый же день эти оголтелые малолетние хулиганы переставили пожарные ведра с буквами (а потом проделывали это регулярно, вместо гимнастики), и получилась такая ерунда, что и прочесть было невозможно, а на другой день чуть не взорвали наш пароход вместе со всей веселой командой и веселыми пассажирами. Забрались в машин-

ное отделение, облазили все его углы, все перетрогали шаловливыми ручонками и завернули до отказа какой-то важный клапан.

Хорошо, что старший механик вовремя это обнаружил и вовремя выпустил из котла собравшийся в нем пар. Этот пар со страшным свистом вырвался из трубы и повис над парходом белым облаком.

После этого капитан стал запирать машинное отделение на ключ вместе с кочегарами. И это почему-то показалось нам подозрительным. Надежнее было, на наш взгляд, запереть близняшек-террористов.

Но капитан сделал еще один решительный шаг и зачем-то запер грузовой трюм, ключ от которого днем и ночью носил в нагрудном кармане и никому из экипажа не доверял. И это тоже показалось нам подозрительным. Потому что в этом трюме ничего особенного, кроме каких-то ящиков, не было.

Тетя Геля тоже оказалась натурой романтической и достопримечательной. Она несколько лет прожила за границей, и все у нее было на иностранный манер. Обед она называла ланчем (ее за это так и прозвали на пароходе), а своих племяшек так: Женьку – Джеком, а Федьку – Теодором, Тедькой, если попроще.

Она и нас с Алешкой сразу же стала называть Томом и Геком.

– Этот пароход очень напоминает мне, – объяснила она, – те пароходы, которые когда-то, очень давно, плавали по Миссисипи. Вы читали про Тома Сойера и Гека Финна? Вы очень похожи на этих славных мальчишек с берегов далекой американской реки.

Том и Гек... Почему бы и нет? Можно еще Чук и Гек. Или Том и Джерри.

Словом, достопримечательная тетушка. Больше всего она любила наблюдать с палубы «вечерний закат».

Лешка как-то раз поправил ее, что утренних закатов не бывает. Тетя Ланч потрепала его по щеке, взъерошила волосы и томно сказала:

– Как ты еще молод, дружок.

Лешка, вообще, частенько посмеивался над ее восторженностью. Но, конечно, беззлобно, по-доброму. Как-то мы плыли мимо какого-то заповедника, где на мелководье бродили большие птицы с длинными клювами – то ли аисты, то ли цапли, а может, и пеликаны. Тетушка Ланч тут же захлопала в ладоши и воскликнула:

– Какие огромные стада диких птиц!

На что Алешка тут же отозвался:

– А на горке бродят целые стаи домашних коров.

И тетя Ланч нисколько не обиделась на него, а только опять попыталась пригласить его хохолок на макушке.

Но в ее восторженности была одна странность. Эти восторги исторгались именно тогда, когда неподалеку находился наш капитан. Или он очень нравился тетушке, или она очень хотела понравиться ему. Мы в это дело не вникали.

Однако признавали тот факт, что самой великолепной достопримечательностью парохода был все-таки его капитан.

Он носил белоснежный китель со всякими золотыми нашивками, высокую фуражку с золотым орлом и якорем и курил длинную прямую трубку с душистым табаком. А под носом у него были тоненькие усики. Как у таракана. – Красавец мужчина! Джентльмен! – сказала про него в восторге тетя Ланч. – Морской орел!

Про нашего капитана вообще бродила среди пассажиров какая-то романтическая история. Тетя Геля-Ланч даже нам ее по секрету пересказала.

Будто бы в одном заграничном порту одна красавица пассажирка забыла в гостинице свою косметичку. И вспомнила о ней уже в открытом море и бросилась со слезами на глазах к капитану.

Тот недолго думая незаметно развернул громадный теплоход и вернулся в порт за маленькой сумочкой. А чтобы никто об этом не догадался, он выпустил всех пассажиров на берег – пробежаться по магазинам.

Самое смешное, что изо всех этих туристов никто и не понял, что они только что покинули этот порт, проведя в нем на экскурсиях целые сутки. Магазины-то везде одинаковые, а достопримечательности шоп-туристам смотреть было некогда.

Но все равно эта романтическая история всплыла, и капитана за такое хулиганство выгнали с международных линий. И теперь он водит по великой реке тихоходный старинный пароход.

– Кавалер! – восхищалась тетя Ланч. – Мужчина! Мушкетер!

И все матросы (это были студенты, подрабатывающие на каникулах) старались походить на него и отпускали тараканьи усики. И все они одевались одинаково: в белых штанах, закатанных до колен, в тельняшках и босиком. А на голове – береты с синими помпончиками. Тоже как-то романтично.

Пассажиры на «Муромце» были люди в основном состоятельные и со странностями.

Главный из них, кажется, директор банка, обильный толстяк, все время и везде ходил голым, то есть почти, в одних зеленых шортах. Другой, дядя Вова, раньше был рэкетменом, а теперь стал бизнесменом, он все время и везде обязательно таскал с собой какую-нибудь бутылку – с пивом, с вином, даже иногда с водкой. Третий, маленький и худенький, как детсадовец, все время был задумчивый и осторожный. Если надо сесть, то он обернется посмотреть на стул, даже его потрогает, будто боится, что он из-под него выскочит. За столом он никогда не брал сразу ложку, а тоже ее осматривает, тронет пальцем – вдруг укусит – и только тогда возьмет. А смешнее всех была Дама с пальчиком. Она, когда что-нибудь держала, всегда отставляла в сторону мизинчик с длинным коготком. И даже во сне не забывала об этом. Мы как-то видели, как она заснула на палубе в шезлонге, а в руке ее была пачка сигарет. И держала она ее, отставив мизинчик. Правда, иногда мы с Алешкой называли ее по-другому. Потому что эта дама все время беспокоилась, чтобы побольше похудеть. А куда ей худеть еще больше? Она и так была похожа на школьную указку. Тем более что все время во все тыкала другим пальцем – указательным – и спрашивала: а это что, а это зачем, а тут кто?

И еще одна достопримечательность была на пароходе. Помидоры. Огромные, жирные, красные. Они были везде: в кают-компании, в судовом буфете, просто в ящиках на палубе. Их закупили в Астрахани и сильно перестарались и теперь заставляли пассажиров есть их в немереных количествах и совершенно бесплатно. Зато все обещанные в билете развлечения были платные, так что мы с Алешкой не больно-то развлекались. Разве что помидорами.

Глава III

ЭТО ОЧЕНЬ ПОДОЗРИТЕЛЬНО!

Когда наш славный пароход забурбулил своими колесами Клязьминское водохранилище, вдруг захрипел и включился динамик и гнусаво сообщил:

– Дамы и господа! Уважаемые пассажиры! Просим вас собраться в салоне кают-компания и выслушать наши сообщения.

Кают-компания была шикарная, вся резная и позолоченная. И все в ней было большое: окна-иллюминаторы, зеркала в тяжелых бронзовых рамах, общий стол на сорока ножках и портрет мужчины в черном костюме с замысловатым, неразборчивым каким-то орденом на груди.

Уважаемые пассажиры, дамы, господа и мы с Алешкой расселись вдоль стола, в дальнем конце которого стояли красавец капитан и старший механик. А за ними висели на переборке две картинки – схема нашего парохода и географическая карта европейской части России.

Капитан тепло приветствовал нас в изысканных выражениях, а когда его приветствие завершилось нашими аплодисментами, он прижал руку к груди, где хранил заветный ключ от грузового трюма, и проникновенно сказал:

– Позвольте ваше одобрение целиком и полностью переадресовать человеку, благодаря которому возродился этот прекрасный пароход, на палубе которого вы проведете, я надеюсь, незабываемые дни, которые...

Он оказался прав. Мы-то с Алешкой это путешествие никогда не забудем. Впрочем, многим тут досталось. Незабываемого.

– ...Я имею в виду, – продолжал капитан, – этого бескорыстного бизнесмена, обаятельного судовладельца...

Тут из-за спины капитана появился с громадным помидором в руке один из близнецов – не знаю точно, какой именно: Женька или Тедька. И гордо задрал нос – обаятельный, чумазый, весь в томатном соке, «судовладелец».

Пассажиры хихикнули, капитан несколько растерялся.

– Я не его имел в виду, – он с опаской погладил Женьку или Тедьку по голове и указал на портрет мужчины с замысловатым орденом на черном пиджаке. – Вот этот человек! Илья Ильич Муромцев!

Снова раздались аплодисменты.

– А теперь позвольте мне сказать несколько слов о распорядке на нашем судне и о маршруте, которым оно идет.

Капитан повернулся к карте. А Лешка достал блокнот. Он обещал маме записывать в пути все самое интересное.

– В ближайшее время, – сказал капитан, – мы войдем в прекрасный канал имени Москвы. Это грандиозный комплекс гидротехнических сооружений. Одиннадцать шлюзов, как большие водные ступени, поднимут нас над Клинско-Дмитровской грядой и опустят прямо в Волгу.

– Очаровательно! – выдохнула с восторгом Дама с пальчиком. – Одиннадцать шлюзов! И прямо в Волгу! Какая прелесть!

– «Грандиозный» – с мягким знаком? – спросил меня шепотом Алешка.

– Ага, – усмехнулся я в ответ. – После «о» или перед «г».

– Волга, – сказал капитан с гордостью, – великая русская река.

Алешка добросовестно записал.

– Она самая большая в Европе.

Алешка и это записал.

А капитан стал показывать на карте, как мы поплывем по великой русской и самой большой в Европе реке.

– Мы пересечем четыре природные зоны – от лесной до полупустынной. Мы посетим старинные русские города: Калязин, Углич, Ярославль... Мы будем останавливаться у песчаных и гористых берегов. Любители рыбной ловли смогут удовлетворить свою страсть обильными и разнообразными уловами. Ведь в Волге, – капитан многозначительно поднял палец, – насчитывается семьдесят пять видов рыб. И среди них – стерлядь, судак, жерех...

– Огласите весь список, пожалуйста, – поднял руку Алешка. – И помедленнее, пожалуйста, я записываю.

Капитан едва заметно поморщился, но все-таки продолжил перечисление.

– ...А также вобла, сельдь, язь и голавль. – Он перевел дыхание. – Все!

– Семьдесят четыре получается, – не отступил Алешка.

Капитан вздохнул и задумался. Старший механик подсказал ему шепотом:

– Белоглазка.

Капитан послушно повторил.

– Очаровательно, – обрадовалась Дама с пальчиком. – Белоглазка, синеглазка... Очаровательно!

– Синеглазка, мадам, – буркнул дядя Вова с бутылкой, – это картошка. Сорт такой.

А капитан торжественно и гордо завершил свое выступление знаменитыми словами:

– А вот здесь Волга наконец впадает в Каспийское море!

Алешка и это «открытие» записал.

И у всех у нас сложилось впечатление, что и длина Волги, и семьдесят пять видов рыб, и старинные города, и лесостепные зоны, и все одиннадцать шлюзов через Клинско-Дмитровскую гряду – все это творение ума и рук нашего славного капитана. И даже то, что Волга впадает в Каспийское море, а не в Северный Ледовитый океан, – тоже исключительно его заслуга.

Потом слово взял старший механик. Он долго и нудно рассказывал нам, как устроен «Илья Муромец». Как надо на нем себя вести, чтобы не подвергать опасности себя, других и сам пароход; что можно делать и чего нельзя, что можно трогать, а что – ни в коем случае.

– При осмотре достопримечательностей с верхней палубы судна, – особо предупредил он, – категорически запрещено скапливаться на одном борту во избежание опасного крена парохода...

– Какой ужас! – ахнула Дама с пальчиком. – А если я упаду за борт, кто меня спасет?

– Вся команда бросится за вами, – галантно заверил ее капитан.

Соврал, конечно. Она уже так достала команду своими «что? где? когда?», что ее скорее утопят, чем спасут.

Но Дама-указка была очень польщена. А капитан дополнил свое сообщение:

– Хочу напомнить, что в некоторые города «Илья Муромец» будет приходить ночью. Но пусть вас это не беспокоит – весь следующий день будет большая стоянка, и вы сможете посвятить его экскурсиям по памятным и историческим местам.

Потом старший механик стал показывать на схеме, где что расположено: палубы, каюты, спасательные шлюпки, бары и рулевая рубка.

И опять особо предупредил:

– Категорически запрещается посещать грузовой трюм. – Он помолчал и, посмотрев на тетю Гелю, добавил: – А то тут у нас уже есть такие любители.

Алешка опять поднял руку:

– Покажите, пожалуйста, на схеме.

– Вот! – Старший механик ткнул указкой в чертеж.

И тут же в этот прекрасный рисунок шлепнулся красный, частично обглоданный помидор, точно в грузовой трюм. И обрызгал своим соком и старшего механика, и Даму с пальчи-

ком, которая сидела ближе всех. На том важное сообщение закончилось. Под рев близнецов, которых тетя Геля потащила в каюту, под домашний арест.

А чуть позже случилось еще одно происшествие, взволновавшее всех пассажиров. Это была вторая загадка, после которой мы стали присматриваться к нашим попутчикам, и все они казались нам очень подозрительными.

...Это случилось в одном из одиннадцати шлюзов. Не помню точно, в каком по счету. В общем, недалеко от самой верхней точки Клинско-Дмитровской гряды.

«Илья Муромец» неспешно плыл по гидротехническому комплексу имени Москвы. Кругом было страшно интересно. Особенно когда начались шлюзы – такие громадные ворота, они как по ступенькам переводят корабли из одной реки в другую. Это капитан не соврал.

Вот мы заходим в шлюз. Ворота за нами закрываются, и мощные насосы накачивают в шлюзовые камеры воду. Она бурлит, клокочет и поднимается все выше и выше. А потом открываются другие ворота, и мы вливаем в следующую камеру. В них обычно собираются всякие суда – и пассажирские речные лайнеры, и теплоходики, и буксиры, и катера. И все мы стоим рядом друг с другом, и так интересно разглядывать, какая жизнь идет на других кораблях.

Вот на буксире выходит на палубу матрос и начинает повсюду развешивать выстиранное белье. А капитан буксира ходит по палубе и все время под ним нагибается, и мокрые наволочки хлопают его по голове.

А вот за буксиром тащится плот из громадных бревен. На нем тоже идет своя жизнь. Там стоит оранжевая палатка, а перед ней, на кучке земли, горит костер и варится на нем похлебка. А рядом сидит бородатый плотовщик и чистит рыбу и бросает ее в закоптелый котелок.

А вот притулился к нам красивый катер. На его палубе девушка в купальнике держит в руках видеокамеру и снимает бурлящие в шлюзе волны. А рядом с ней стоит собака и лает на наших близнецов, которые строят ей рожицы и тоже лают в ответ. А тетя Геля-Ланч оттаскивает их за шорты от борта подальше. Близнецы брыкаются, лают и вот-вот кусаться начнут.

Один из них все-таки вырывается – и шмыг в рулевую рубку. И тотчас же окрестности оглашает длинный свисток нашего парохода, выбрасывая над шлюзом струйку пара.

Двери рубки распахиваются, и рулевой вытаскивает на палубу за шиворот близнеца:
– Чей ребенок? Заберите этого хулигана! Чуть весь гудок не сорвал!

А второй ребенок тем временем обстреливает помидорами капитана буксира, и тот грозит ему кулаком и прячется за свежестырытым бельем. В общем – не скучно.

Но тут ворота шлюза расползаются, и мощная волна встряхивает наш пароход. И откуда-то из его нутра вдруг раздается какой-то неописуемый вопль. Будто много разных голосов взвыли одним хором – и жалобные, и злобные, и испуганные. Мы даже вздрогнули. И все пассажиры на палубе испуганно переглянулись. А капитан даже немного изменился в лице. Но взял себя в руки и успокоил пассажиров:

– Не волнуйтесь, дамы и господа. Наша паровая машина еще совсем новенькая, не приработалась и поэтому выдает иногда такие сюрпризы. Опасности в этом нет, а за причиненное беспокойство команда в моем лице приносит вам свои извинения.

– Ах, какой джентльмен, – прошептала с восторгом тетя Геля, подтаскивая упирающихся близнецов к пассажирскому трапу, чтобы запереть их в каюте. – Настоящий морской волк!

А морской волк (или морской орел), чтобы еще больше сгладить неприятное впечатление, восторженно объявил:

– Дамы и господа! Мы сейчас поднялись на тридцать шесть метров выше уровня реки Москвы!

– Как интересно! – взвизгнула Дама с пальчиком. – А это не опасно?

– Врет он все, – сказал мне Алешка.

А я, по правде, не понял, про что именно врет наш капитан – или про метры, или про паровую машину, только заметил, что матрос с трубкой на эти Алешкины слова покачал головой и нахмурился.

Но тут «Илья Муромец» вырвался на простор, и такие начались красивые берега, что мы тут же забыли об этом вопле и вместе со всеми пассажирами принялись любоваться окрестностями, медленно проплывающими мимо нас.

Зато вечером, у себя в каюте, мы опять вспомнили про этот дикий вой и задумались: кто же это выл? Ну не стадо же зверей. Голоса какие-то странные, но похожие на человеческие.

– Разберемся, – сказал Алешка. – Вот поспим и разберемся.

Глава IV

ТРЕТЬЯ ЗАГАДКА

Поспать-то мы поспали. Но не разобрались, не успели. Потому что вскоре возникла еще одна загадка, третья.

Ее загадала нам тетушка Ланч. Правда, не сразу. Сначала мы не очень-то обращали внимание на некоторые ее безобидные странности. Мы уже привыкли, что взрослых без странностей не бывает. Но вот один раз, поздно вечером, когда все уже спали, а нам с Алешкой не спалось, мы увидели, что тетушка Ланч стоит в одиночестве на самом носу парохода. И держит руку у рта и что-то бормочет себе под нос. Нам показалось, что она бубнит какие-то цифры. Будто таблицу умножения повторяет. Перед сном.

– Что это она? – встревоженно шепнул Алешка. – Заболела, что ли?

Я пожал плечами. Потому что не знал, что ответить.

– Давай подкрадемся, а? – предложил он. – Окажем ей первую помощь. А то еще свалится за борт.

Заботливый какой, подумал я с теплотой о своем младшем брате. Но он тут же разочаровал меня:

– Дим, если она с парохода бухнется, то Женька с Тедькой нас вообще доконают.

В его словах было зерно истины. Даже два. Хоть папа и обещал, что тетя Геля будет за нами присматривать, но получалось все наоборот: нам самим все чаще приходилось присматривать за ее шальными племянниками.

– Пошли, – тут же согласился я, правильно оценив возможную мрачную перспективу.

Но как мы ни старались подкрасться бесшумно, тетя Геля услышала нас и, оборачиваясь, резко оторвала руку ото рта и сунула ее в какой-то из карманов своей любимой «размахайки».

– Вам плохо? – спросил я. Хотя спросить мне хотелось совсем другое. – Вас укачало?

– Принести воды? – спросил заодно и Алешка.

– Мальчишки! – как-то облегченно засмеялась тетя Геля. – Это вы! Том и Гек! Как я вам рада!

– Спасибо, и вас так же, – машинально пробормотал Алешка.

Тетя Геля еще веселее рассмеялась и пошла в свою каюту. И легкий ночной ветер развеивал ее красивые одежды.

У трапа она вдруг остановилась, оглянулась и сказала:

– А вам привет от вашего папы!

И она приложила палец к губам и спустилась в пассажирский салон. Вроде как растаяла.

Мы с Алешкой так хлопнули глазами, что, наверное, на берегу был слышен этот треск.

Алешка покачал головой:

– Заболела.

А я почему-то не сказал ему о том, что расслышал последние фразы среди тети-Гелиной «таблицы умножения». Она сказала:

– У Тома и Гека все в порядке. Славные мальчишки. Они мне здорово помогают.

Было о чем подумать. Тетя Геля, конечно, добрая. Но, конечно, и очень странная. Даже подозрительная. И восторженная такая. Особенно когда и восторгаться-то нечем. Часто она заходила вечером в нашу каюту и просила:

– Мальчишки, я пойду на палубу, полюбуюсь луной. Луна нынче хоть и маленькая, но очень красивая, и небо ясное... – И она долго и убедительно рассказывала нам о лунной ночной красоте, будто хотела, чтобы мы ей поверили. А потом говорила: – Если Тэдди и Джекки вдруг

проснутся, вы их успокойте, ладно? И иногда заглядывайте к нам, посмотрите – не раскрылись ли? Они все время одеяла сбрасывают.

Мы, конечно, не отказывали ей в этих просьбах. Хотя иногда удивлялись: какой такой необыкновенной луной она хочет полюбоваться, если на небе и обыкновенной-то нет – все оно затянуто облаками. Да еще и легкий дождик моросит. И сперва мы не обращали внимания на эти несоответствия, но однажды...

...Но однажды я проснулся среди ночи и услышал через тонкую стенку, как хнычут близнецы. Я зашел к ним – тети Гели опять не было. А близнецы ныли, потому что захотели пить.

Я их напоил, они уснули. А мне что-то уже не спалось, разгулялся. И я поднялся на палубу.

Ночь была темная. Никакой луны. Пароход молча стоял у темного причала. Оттуда слышались какие-то приглушенные звуки. Но я обратил внимание вовсе не на них. А на темную фигуру, прижавшуюся к углу надстройки.

Это была тетя Геля. Меня она не услышала, потому что я был босиком – торопился на жалобный вой близнецов и не успел обуться. И смотрела она вовсе не в темное небо, где в одном месте желтым тусклым пятнышком угадывалась за облаками луна. Смотрела она, осторожно высунув из-за угла голову, в сторону причала. Там слышались приглушенные голоса, иногда шаги, а один раз мелькнул огонек сигареты, и кто-то сердито зашипел: «А ну загаси, дурак! Заметят».

Я зачем-то присел за скамейкой с пожарными ведрами и продолжил наблюдение, хотя ничего интересного в том, что происходит, не видел. Пароход часто останавливался ночами у темных причалов, на него что-то грузили, всякие припасы, что-то делали и старались при этом не шуметь, чтобы не беспокоить пассажиров. А то, что кто-то кому-то запретил курить, меня тоже не удивило. Ведь почти на каждом причале висели громадные знаки: «Курить запрещается!» Заметят курящего – оштрафуют.

Меня больше интересовало странное поведение тети Гели. Зачем она пряталась? Почему она не наслаждалась созерцанием невидимой луны, а наблюдала за какими-то чужими людьми. Да еще тайком. Да, видно, и не в первый раз.

Тут мигнули на берегу огоньки машины, и тетя Геля что-то быстро выхватила из своей «размахайки» и водрузила себе на лоб. Тут на секунду выскочила луна, и я разглядел, что это какие-то странные, выпуклые очки на широком ремешке. Как у Ихтиандра.

Машина тихо постояла и так же тихо уехала. Тетя Геля сняла очки и что-то записала на клочке бумаги. В это время с причала по сходням поднялись на палубу два человека и быстрыми шагами исчезли в люках.

Тетя Геля убрала в свою «размахайку» записку и ручку и направилась к пассажирским каютам. Я обогнал ее по другому борту и встретил у дверей.

– Что? – встревоженно спросила она. – Проснулись?

– Ага, – притворно потягиваясь и зевая, сказал я. – Пить захотели. Уже опять спят, не беспокойтесь.

– Спасибо, Том. Если бы ты знал, как нынче хороша луна!

Еще бы, подумал я, очень хороша. Только маловата, совсем ее не видно.

Я попрощался с тетей Гелей, а по ее лицу было заметно, что она чем-то довольна. Только не луной, это точно.

И в душе моей опять появились неясные подозрения. А на другой день они окрепли. И вот почему.

Во время завтрака тетя Геля, усиленно напичкав близнецов жирами, белками и углеводами, потащила их в игротекку. Там было полно всяких игровых автоматов, и она рассчитывала, что хоть часок поживет спокойно. Потому что оторвать близнецов от них было невозможно.

И когда они занимались этим делом, весь пароход вздыхал с облегчением. И ничего на нем не случилось.

Правда, тетя Геля не очень часто прибегала к помощи автоматов, потому что близнецы всем играм предпочитали сражение с «одноруким бандитом». Им очень нравилось выигрывать деньги. То есть проигрывать, потому что они не выиграли еще ни разу.

Когда они ушли, Алешка вдруг исчез под столом и тут же появился снова, держа в руках сложенный в несколько раз лист писчей бумаги.

– Кажется, тетя Ланч обронила, – сказал он мне, разворачивая бумагу.

Я забрал у него листок. На одной стороне его были написаны в столбик всякие фамилии, а против них стояли всякие пометки. Крестики, галочки, вопросительные знаки.

– Интересно, – пробормотал я. – Доедай скорей, пойдем в каюту. Будем разбираться: что-то тут опять подозрительное намечается.

– Тут все, – Алешка обвел вилкой кают-компанию, наверное, имея в виду весь пароход, – тут, Дим, все подозрительное.

Он допил сок, и мы ушли в свою каюту. Я положил листок на столик, и мы склонились над ним задумчивыми головами.

Это был какой-то список. И мы почти сразу догадались – какой. Потому что первой в нем значилась фамилия нашего капитана. Причем подчеркнутая два раза.

– А вот и мы, – ткнул Алешка пальцем. – Смотри!

В самом деле – в середине списка стояли наши фамилии с инициалами. Против них – вопросительные знаки. А сами фамилии вычеркнуты.

– Вот еще! – возмутился Алешка. Но сразу смирился, когда увидел еще несколько зачеркнутых имен. Среди них: Анны Сергеевны, Дамы с пальчиком, дяди Вовы с бутылкой и еще какие-то.

– Значит, – сказал я задумчиво, – это список экипажа и пассажиров парохода.

– А значки все эти зачем? – удивился Алешка. – И зачеркивания. Может, нас высадить хотят?

– Кто? Тетя Ланч? Скажешь тоже...

– Дим, а на обороте что? Посмотри.

А на обороте было еще загадочнее.

Там было написано:

«г. Калязин. 1 ч. а-на «УАЗ» – 62-12, 2 к. роб., 1 гол-ка и 2 к. пист.

г. Углич. 2 ч. а-на «Газель» – 34-38, 2 к. кук. и 2 к. пист.».

Прочитав эту тарабарщину, мы разом подняли головы и посмотрели друг на друга. С изумлением. – Шифровка, – сказал Алешка. – От Юстаса в Центр. Давай думай поскорее!

– А чего тут думать? – решил я. – Нужно все это на всякий случай переписать, а листок вернуть тете Ланч...

– И следить за ней. Что-то она мне не нравится.

Мы тщательно перекатали весь текст в Алешкин блокнот и постучались в соседнюю каюту.

– О! – обрадовалась тетя Ланч. – Том и Гек! Заходите.

– Тетя Геля, – вежливо сказал я, подавая ей листок. – Это не вы потеряли?

Она схватила листок, как голодная собака кость.

– Ой, спасибо! Где вы его нашли?

– Под столом, – ответил Алешка. – В са-лоне.

– Ой, какая я растеряха! – сокрушалась, вся сияя, тетя Ланч. И вдруг спохватилась: – А вы его прочитали, да?

– Вот еще! – возмутился Алешка. – Мы чужие письма не читаем.

И свои тоже, подумал я, потому что нам никто не пишет.

– Молодцы! – похвалила нас тетя Ланч. – Сбегайте тогда за моими разбойниками. Они, наверное, уже все деньги просадили.

Какая тут логика? Раз молодцы, так еще что-нибудь сделайте, да?

Но мы не стали отказываться и притащили Женьку с Тедькой, которые уже начали занимать деньги у пассажиров.

А потом вышли с Алешкой на палубу, осмотрели окрестности – не подслушивают ли нас? – покачали головами, и я сказал:

– Подозрительно.

А Лешка добавил:

– Очень!

Глава V

САМАЯ СТРАШНАЯ ЗАГАДКА

На очередное подозрение, самое подозрительное и ужасное, нас невольно навела тетя Ланч уже на следующее утро.

Мы столкнулись с ней в узком проходе между каютами. Как всегда, она разыскивала близнецов и спешила к капитану. Лицо ее было очень встревоженным.

– Дети попали в беду, – бросила она нам и помчалась дальше в своем заграничном развевающемся балахоне.

Мы – за ней. Но когда перед нашим носом захлопнулась дверь капитанской каюты, мы поняли, что о случившемся можно узнать только одним способом, старым и надежным – подслушиванием.

Мы выскочили на палубу и подкрались под распахнутый иллюминатор, за которым слышались голоса. Взволнованный тети Ланч и спокойный, снисходительный – капитана.

– Дети попали в беду, – трещала тетя. – Они каким-то образом оказались в грузовом трюме.

– Успокойтесь, Ангелина Петровна, – басил густым голосом капитан. – Этого не случилось. Трюм заперт на ключ. Дети не могли туда пробраться.

– Но я слышала за дверью их жалобные го-лоса!

Тут капитан помолчал и ответил далеко не сразу. Каким-то подозрительно фальшивым тоном:

– Ну что вы! Какие голоса? Вам показалось. Вода журчит за бортом, колеса плещут плечами, блоки поскрипывают. Ну какие, право, голоса?

Тут мы заметили, что подслушиваем не одни. Рядом стояли с открытыми ртами близнецы – Женька с Тедькой.

– Вы где были? – спросил я. – Вас весь пароход ищет.

– Мы в шлюпке сидели, под брезентом.

– Тетя Геля! – заорал я. – Нашлись ваши киндер-сюрпризы!

– Вот видите! – пророкотал уже совершенно спокойный бас капитана.

– И никаких жалобных голосов. Не рассказывайте об этом никому, чтобы не стать объектом насмешек, – доброжелательно посоветовал «морской орел».

– Вы настоящий джентльмен, капитан!

Я отвел близнецов в сторону и строго спросил:

– Вы зачем в шлюпку забрались? А если бы за борт упали?

– Мы испугались, – сказал Тедька, тот что на пять минут старше Женьки. – Мы лазили в трюм, а там за дверью кто-то бормочет.

– Это вода за бортом журчит, – успокоил их я.

– Ага, – кивнул Женька – тот, что на пять минут моложе Тедьки. – Журчит. На английском языке.

Мы с Алешкой переглянулись. Вот это заявочка! А племяшам можно верить. Тетушка Ланч все время старается им привить «навыки английской разговорной речи». Они, правда, и на том, и на другом языке еще плохо говорят, но отличать русский от английского уже научились.

Тут выбежала на палубу тетя Ланч, и близнецы брызнули от нее в разные стороны. Она растерялась – не знала, кого первого ловить.

– Держите их! – закричала она, и все пассажиры бросились отлавливать хохочущих племяшей.

Схватили одного, тетка его нашлепала, тут ей подвели другого, она в него вцепилась, а первый вырвался. Его опять поймали – и началась такая суматоха, что племяши в ней перепутались, и, похоже, одному вообще не досталось, а другому, из-за сходства, попало два раза.

Но нас это уже не касалось. Мы с Алешкой уже спускались по крутому трапу в трюмное помещение.

Здесь стало холодно и темно, только тускло светились под низким потолком забранные в сетки слабенькие лампочки. Но было зато очень шумно – за переборкой азартно стучала паровая машина. Какие тут услышишь жалобные голоса за запертой дверью?

Мы подошли к двери и прижались к ней ушами.

Все было за дверью тихо. И мы уже хотели уйти, решив, что подозрительная тетя Ланч не только романтик, но и фантаст. Но тут вдруг набежавшей волной качнуло пароход, и... И за дверью явственно послышались какие-то голоса, похожие на обиженный детский лепет.

Скажу откровенно: нам стало страшно. Мы отскочили от двери и уставились друг на друга. Кто там? Кого там прячет капитан? Зачем?

Я снова приблизился к двери, постучал в нее костяшками пальцев и прерывающимся голосом спросил:

– Эй! Кто там?

Но за дверью воцарилась тишина, будто я кого-то спугнул.

А может, все не так? Может, это не капитан кого-то прячет, а наоборот – кто-то прячется от капитана? Какие-нибудь безбилетные коммерсанты или бомжи? А зачем он тогда запирает их на ключ?

– Может, вообще, ерунда какая-то? – сказал Алешка.

Но оба мы почему-то чувствовали, что вовсе это не какая-то ерунда. А какая-то жуткая тайна.

Вечером, в своей каюте, мы долго не могли заснуть и строили всякие предположения и версии. Наконец нам это надоело, и мы вышли на палубу. Весь пароход спал. Только не спал рулевой в рубке, окошки которой чуть заметно светились.

Над рекой гулял холодный ночной ветер. И мы, по примеру близнецов, забрались в шлюпку и укрылись брезентом.

Над нами было звездное небо. Пароход постукивал своей паровой машиной и пошлепывал плицами. И немного покачивался на слабой волне...

Когда мы проснулись, он стоял у темного причала. Была еще глубокая ночь, только над дальним берегом чуть-чуть посветлело небо.

Мы уже собрались было идти досыпать в каюту, как услышали какой-то шепот. Шептались на причале, слов мы разобрать не могли, но в одном из шептунов узнали нашего капитана. В темноте отчетливо белел его прекрасный китель.

Тут к ним подошли с берега еще двое. И капитан повел их на пароход. Они спустились в трюм, а мы замерли в своей шлюпке, под брезентом.

Вскоре из трюма поднялся капитан и те двое. Они вытаскивали на палубу большой ящик. Передохнули, перенесли его по трапу на причал. Там ящик забрали другие люди и унесли в темноту, где тихо пофыркивала, судя по звуку двигателя, большая машина.

Затем эти двое снова спустились в трюм и вытащили из него еще такой же ящик. Когда они спускались по трапу на причал, один из них споткнулся, и они чуть не выронили ящик в воду.

А из ящика при толчке раздался жалобный детский голосок:

– Я хочу к маме.

Он произнес эту фразу на английском языке.

Когда ящик погрузили в машину, и она уехала, а на палубе никого не осталось, мы на цыпочках вернулись в свою каюту и заперли дверь на задвижку. Алешка даже иллюминатор задраил.

– В бандитское гнездо опять попали, – удрученно прошептал он. – В плавучее.

– Надо удирать, – предложил я.

– А куда?

– На берег. В милицию.

– А что мы им скажем? Что в каких-то ящиках каких-то английских детей таскают? С корабля в машину, да? Посмеются, и все.

– Вообще, ты прав, – согласился я. – Надо бы сначала разобраться в этом темном деле.

– Ага, – обрадовался Алешка. – Пролить на него свет. – Он ненадолго задумался и сказал: – А я уже разобрался. Они в каком-нибудь детском саду украли детей и теперь их продают по одному.

– Зачем? – удивился я.

– Для денег, не знаешь, что ли? У кого своих детей нет, так они себе их покупают. В России. У нас-то детей полно.

– С чего ты взял?

– По телеку рассказывали.

Не зря мама все время повторяет, что телевизор смотреть вредно. Особенно впечатлительным и непредсказуемым детям.

– Где же это они столько в России нашли детей со знанием английского языка? Врубись, ребенок!

Но у Алешки на все готов ответ:

– У нас же есть всякие сады с углубленным изучением иностранных языков. Вон, даже наши близнецы по два английских слова знают.

Ага, знают. Причем самые неприличные.

– Нет, Леха, – сказал я. – Что-то тут не то.

И мой брат, вздохнув, согласился:

– Что-то тут другое.

На палубе было тихо, пароход, казалось, спал, приткнувшись к причалу.

И мы тоже уснули, оставив разгадки на ближайшее будущее.

Глава VI

СЮРПРИЗ. ЕЩЕ ТОТ!

Утром в кают-компании капитан сделал объявление. Он сказал, что наш пароход благополучно прибыл нынешней ночью к славному и старинному городу и что нас ждут на выбор два мероприятия: одни желающие могут отправиться на замечательную историческую экскурсию в город, по его музеям и другим достопримечательностям, а другие желающие могут получить обещанный по программе путешествия оригинальный сюрприз. Все заахали и заохали и стали спорить, что лучше. И разделились на две группы. В одну попали наиболее серьезные люди, которые хотели обогатить свой багаж знаний и высказались за экскурсию, а мы с Алешкой попали в другую группу, нам, значит, знаний в багаже вполне хватало.

Через полчаса «Илья Муромец» высадил и передал экскурсоводу первую группу, свистнул ей вслед своим свистком и отдал швартовы.

Плыли мы довольно долго и, как ни спрашивали матросов, так ничего от них и не узнали. Они хранили тайну.

И вот впереди показался посреди реки широкий песчаный остров, на котором ничего, кроме песка, не было и в помине.

«Илья Муромец» вблизи него замедлил ход, сбросил в воду якорь и затих на гладкой воде, как рыба, уснувшая на крючке. Он только немного попыхивал паром и пошлепывал колесами – вроде как рыба плавниками.

– Высаживаемся на необитаемый остров! – объявил капитан. – Под названием Лепешка.

Остров и правда был похож на лепешку на блестящей сковородке – круглый, желтый и совершенно пустой. Только кое-где по краям собирались в кучки жалкие кустики и стояли по пояс в воде стройные камыши.

Матросы, загадочно посмеиваясь, загружали в шлюпку большой ящик.

– Господа пассажиры! – с улыбкой вновь потребовал внимания капитан. – Обещанный сюрприз – вот в этом ящике. Условие такое – не вскрывать его, пока наше судно не отойдет на безопасное расстояние.

Все пассажиры тоже стали весело рассаживаться в шлюпки. Мужчины взялись за весла. Лодки медленно поплыли к песчаной Лепешке.

Когда мы туда добрались, матросы уже вынесли ящик, поставили его недалеко от берега на песок и ждали нас. Едва мы выбрались на берег, они взяли наши шлюпки на буксир и, все время пересмеиваясь, отправились на пароход.

– Что-то мне это не нравится, – вполголоса пробормотал Алешка. – Особенно смешки эти.

– Мне тоже, – сознался я.

Но было уже поздно. Шлюпки подняли на борт, выбрали якорь, «Илья Муромец» дал гудок и зашлепал вниз по реке. Удаляясь все больше.

Пассажиры послушно, как дети, смотрели ему вслед. Пока он не превратился из настоящего парохода в игрушечный.

– Пора! – нетерпеливо сказал толстяк в зеленых шортах. – Расстояние вполне безопасное.

– Для кого только? – вдруг подозрительно спросила Дама с пальчиком и на всякий случай отошла подальше от ящика.

– Я знаю, что там! – радостно завопил дядя Вова с бутылкой. – Там, во-первых, пиво! Во-вторых, вино!!! В-третьих, закусь!!! Это такой сюрпризный пикничок.

Мужчины переглянулись и потеряли руки. Женщин, похоже, такое предположение несколько разочаровало. Ничего себе пикничок – посреди реки, на голом песке.

Дядька с бутылкой весело направился к ящику.

– А я думаю, там змеи, – сказал ему в спину Алешка.

Дядька приостановился и обернулся, уже без улыбки:

– Какие змеи?

– Дикие, – ответил Алешка.

– И голодные, – добавил я.

– Как зимние волки.

Дядя Вова пожал плечами и сказал:

– Мне-то что? У меня с собой есть. – Он поднял вверх бутылку, чтобы все увидели, и вытянул из кармана воблу.

– Эх вы! – укорил его толстяк в шортах. – Вам сюрприз приготовили, а вы...

Он решительно шагнул к ящику, отстегнул его запоры и поднял крышку.

– Письмо! – торжественно объявил он и поднял над головой, чтобы все видели, красивый конверт. – От Робинзона Крузо!

Конверт пошел по рукам. Мы тоже посмотрели. Толстяк в шортах сказал правду: на конверте был нарисован заросший бородой и усами человек в высокой мохнатой шапке, с попугаем на одном плече, с ружьем на другом и с меховым зонтиком над головой.

Когда письмо вернулось к Шортам, все сказали:

– Читайте вслух! С выражением.

Толстяк вытянул из конверта листок, на котором, как и на билете, был нарисован «Илья Муромец» в клубах дыма, и стал читать с выражением:

– «Дамы и господа! Экипаж парохода «Илья Муромец» предоставляет в ваше распоряжение аттракцион под названием «Робинзон Крузо». В этом ящике вы найдете все необходимое для того, чтобы провести ровно сутки на необитаемом острове и почувствовать себя настоящими робинзонами. Завтра ровно в полдень «Илья Муромец» снова примет вас на свой гостеприимный борт, и тем из вас, кто проявит себя наиболее приспособленным для обеспечения быта в экстремальных условиях, будут вручены специальные призы. Желаем удачи! До скорой встречи!»

Когда толстяк закончил, с минуту стояла тишина. А потом раздались веселые возгласы, визги и аплодисменты.

И все бросились разбирать вещи из ящика.

Там было две палатки – зеленая и розовая, спальные мешки, топорик, удочки, котелки и всякая посуда. А кроме соли и перца – никакой еды. Только несколько бутылок с пресной водой, да еще лавровый лист.

– Ура, – сказали немного увянувшим голосом Зеленые шорты. – Сейчас такую уху забаваем!

– И это все? – разочарованно спросил дядя Вова с бутылкой. – А этого там нет? – И он ловко щелкнул себя пальцем по горлу. – Не может быть! – И полез в ящик – одни ноги торчат. Пошарил там: – Вот! – И вытащил буханку хлеба и пачку чая. – Завалились.

И тут всем захотелось есть. И правда, завтрак уже далеко, а обед еще не состоялся. И Зеленые шорты начали резать хлеб и раздавать его всем желающим. И все тут же стали его солить, есть и похваливать.

А мы с Лешкой переглянулись, подумали и серьезно кивнули друг друга, все поняв без слов. Поэтому один кусок разломали пополам и съели, а другой оставили.

Когда второй завтрак, как говорит тетя Ланч, завершился, Зеленые шорты скомандовали:

– Женщины разжигают костер и ставят палатки! Мужчины – за добычей, на рыбалку.

Мужчины схватили удочки.

– А на что ловить? – раздался задумчивый голос. Это спросил осторожный бизнесмен, который даже тут все время озирался, будто ждал нападения диких зверей или индейцев.

– Как на что! – взревел наш самозванный командир в шортах. – На хлеб! Отличная приманка! Для любой рыбы. А их тут – семьдесят пять!

– А где он? – робко спросил тот же голос. – Хлеб...

Алешка хихикнул. Мы взяли по удочке и по-шли на другой конец острова, где зеленели негустые камыши.

Намяли как следует хлеб, наживили и забросили удочки...

Волга – хорошая река. Через полчаса мы уже устали. Нанизали на ветку рыбу и потащили ее в лагерь. В надежде, что там уже стоят палатки и пылает между ними приветливый костер.

Палатки стояли – криво, в складках и морщинах. Костром и не пахло. Даже дров не было.

– Ура! – закричали Шорты, когда нас увидели. – Есть рыба!

– Теперь ее надо почистить! – сказал осторожный голос.

– И сварить, – прибавил женский голос.

– Дров нет, – сообщил дядя Вова и хлебнул из горлышка.

– Один песок кругом, – вздохнул наш предводитель.

Мы с Алешкой опять переглянулись: похоже, нам придется кормить этих «робинзонов».

– И обогреть у костра, – шепотом подхватил эту мысль Алешка. – И сказочки им на ночь рассказывать.

– Чтоб крепче спали, – хмыкнул я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.